

мог бы рассчитывать, а это в значительной степени способствовало тому, что в закулисной политической борьбе Ламздорф уступил Безобразову и адмиралу Е.А. Алексееву. А когда А.С. Суворин на страницах «Нового времени» безбожно обвинял министра иностранных дел во всех смертных грехах, включая слабоумие и профессиональную некомпетентность, гр. Ламздорф терпел, потому как не мог, а главное, не хотел повлиять на газету, скорее всего, считая это ниже своего достоинства.

К Николаю II гр. Ламздорф неизменно относился с глубоким верноподданническим почтением и неоднократно заявлял, что он как министр обязан беспрекословно выполнять любые распоряжения императора²⁶. Извольский даже характеризовал Ламздорфа как царедворца и карьериста²⁷. Тем не менее граф не раз пытался переубедить царя. Николай II, со своей стороны, относился к гр. Ламздорфу весьма благожелательно, но, очевидно, не во всём доверял ему, предпочитая решать многие вопросы международной политики в обход своего МИД. Так, отношения с родственными монаршими домами и с государствами, в которых они правили (Греция, Дания и, в значительной степени, Германия), рассматривались как дела семейные. При этом, видимо, гр. Ламздорф был не вполне «своим» для Николая II, будучи рекомендован на пост министра Витте, которому император со временем всё меньше доверял. В то же время как специалист Ламздорф был незаменим на своём посту, и царь долго не соглашался на его отставку, хотя и считал, что в некоторых деликатных вопросах (таких, как учреждение наместничества на Дальнем Востоке, встреча в Бьёрке и т.д.) участие министра может только навредить.

Следует согласиться с И.С. Рыбачёнок в том, что единая цельная внешнеполитическая концепция в России отсутствовала, а разномыслие среди лиц, причастных к выработке курса, их соперничество, личные антипатии и нежелание брать на себя ответственность порождали колебания в определении целей и выборе средств для их достижения. Слабая компетентность императора в международных делах существенно ухудшала положение, поскольку именно от него зависело принятие решений. В сложившейся ситуации даже такой способный министр иностранных дел, как гр. Ламздорф, оказывался практически бессилён. Он мог, проявив свои волевые качества, исправлять отдельные ошибки, но не имел возможности изменить неэффективную систему, которая и привела к закату великой державы.

Марина Сорока: До Николая II российская дипломатия всегда умела вовремя остановиться

И объём, и само название книги И.С. Рыбачёнок говорят, что это работа, подводящая итог её многолетнего изучения внешней политики России рубежа XIX–XX вв.²⁸ Небольшая по объёму, но очень нужная книга об отражении политических событий и веяний в карикатуре, была, видимо, заключительным

²⁶ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 1024.

²⁷ Извольский А.П. Указ. соч. С. 94.

²⁸ См.: Рыбачёнок И.С. Последний бастион...; она же. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993; она же. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России. «Первая наша забота – статья твёрдо в Европе» // Россия: международное положение и военный потенциал...; она же. Россия и первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005; Коренные интересы...; она же. Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007.

шагом в осмыслении деятельности российского МИД²⁹. Написать её и прочитать с пользой для себя может только тот, кто уверенно и легко ориентируется в политической культуре эпохи.

В «Закате великой державы» И.С. Рыбачёнок приводит большое количество новых фактических сведений, использует неизвестные ранее источники и удачно комбинирует их с давними публикациями документов, прочитанными по-новому. Эрудиция позволяет автору выбрать из множества деталей самые существенные и интересные, а иногда и живописные, и вследствие этого книга читается очень легко. К тому же она хорошо издана. И лишь отсутствие библиографического списка мешает сразу же составить цельное представление о её источниковой базе и понять принцип подбора материалов.

В монографии рассмотрены цели и задачи имперской внешней политики в Европе, на Балканах, в Османской империи, Африке, Персии и на Дальнем Востоке (включая сжатый обзор различных представлений о них), прослежен процесс принятия решений и указаны последствия их осуществления. Читатели-профессионалы безусловно будут благодарны автору за «воскрешение» многих видных фигур – дипломатов, военных, публицистов, сведения о которых часто невозможно найти, несмотря на упоминания их имён в документах того времени. Период 1899–1906 гг. раскрывается в книге и как время подведения итогов, и как окончание пути, начатого в 1891 г. сближением с Францией – в 1905 г. наметившееся сближение с Британией завершило отход от традиционной политики равноудалённости России от соперничавших великих держав. Кроме того, этот период почти точно совпал с пребыванием во главе МИД недооценённого защитника позиций России гр. В.Н. Ламздорфа.

1899 г., по мнению И.С. Рыбачёнок, знаменателен расширением *casus foederis* во франко-русском союзе, Англо-бурской войной, борьбой великих держав за раздел Китая и Гаагской конференцией, созванной по инициативе России. Для И.С. Рыбачёнок это – период заката. Это, на первый взгляд, противоречит модному мнению, согласно которому Россия переживала тогда небывалый подъём, продолжавшийся до революции 1917 г. Однако нельзя оценивать состояние государства по одному или двум показателям. Если по темпу экономического и промышленного роста Россия была в то время в числе первых, то для трезвой оценки её международного веса надо помнить, что важна не только скорость, но и стартовая точка. То, что было большим достижением по сравнению с собственным прежним уровнем, не ставило её ещё в один ряд с великими державами. Ни по военной и экономической мощи, ни по научно-техническому развитию и уровню образования, ни по национальной и социальной сплочённости Российская империя не могла сравниться с Германией, Англией и Францией. Другие начали наращивать свои возможности раньше, Россия же только догоняла их, а они в свою очередь тоже не стояли на месте.

Поэтому, как показывает И.С. Рыбачёнок, во внешней политике вне Европы империя пыталась использовать преимущественно силу – «старый приём экспансии». Но время для политики одностороннего давления уже ушло в прошлое, наступила эпоха формирования блоков. К тому же и союзники, и соперники России всё больше опирались не на военные ресурсы, а на экономическое, финансовое и культурное проникновение. Это понимали и российские дипломаты, и самый талантливый политик эпохи С.Ю. Витте, говоривший, что

²⁹ Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. Смех – дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

лучший союзник России – время. В рассматриваемый период он ещё верил, что сможет дотянуть Россию до уровня, на котором она будет успешно решать свои задачи, как и другие великие державы, не прибегая к оружию.

И.С. Рыбачёнок считает, что внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. лишь отчасти выражала общенациональные интересы, но российская дипломатия стремилась поддерживать престиж империи и обеспечивать её независимость. Между тем постоянная озабоченность международным престижем и статусом свидетельствует о сознании собственной слабости. Знаменательно, что чувство хрупкости и ненадёжности достигнутого положения, страх перед утратой роли великой державы в этот период испытывали и другие государства Европы. Так, не только дипломатия, но и вся культура Австро-Венгрии в конце XIX в. была пронизана пессимизмом и отчаянием: австрийские политические деятели видели, что они оказались очередным «больным Европы», к разделу которого готовятся соседи, включая Россию. Но и германские, и британские политики делали мрачные предсказания о судьбах своих стран. МИД и военные рейха пришли в ужас от спрогнозированного ими роста российской военной мощи, и дата «1917 год», когда Россия должна была по вооружениям «догнать и перегнать» Германию, представлялась им как момент гибели. На рубеже веков правительство Британии увидело, что охранять просторы империи им уже не по карману, а между тем без колоний Британия потеряет своё значение, что для них так же неприемлемо, как для России и Австро-Венгрии, и они начали спешно искать союзников.

В книге убедительно показано, что без разработки чёткой и последовательной внешнеполитической доктрины затруднялось и формулирование национальных интересов, и их обеспечение. Распад «Союза трёх императоров» заставил Россию пойти на сближение с Францией, но отказаться от почти вековой связи с Германией и Австрией оказалось нелегко. Витте, например, ратуя за «континентальную лигу», считал, что Петербургу нужны тесные отношения с Германией и Австрией, которые смогут служить барьером для западной экспансии и не будут заинтересованы в дестабилизации внутреннего положения России. Сотрудничество с ними также соответствовало русским интересам в Польше и Турции. Оно позволяло в чём-то получить их содействие, в чём-то ограничить их аппетиты, отчасти влиять на их отношения друг с другом и не попасть в зависимость от Франции. Однако этот путь оказался закрыт по разным причинам, указанным в книге, в том числе по соображениям престижа и союзоспособности. Так, в письме, отправленном П.А. Столыпину 21 июля (3 августа) 1911 г., А.П. Извольский называл союз с Францией «возможно менее безопасным, но более достойным прошлого России и её величия»³⁰.

Слова Бисмарка о том, что в каждом союзе есть одна лошадь и один всадник, терзали самолюбие российских политиков. Они опасались, что в любом союзе Россия может оказаться «лошадью», а потому в поисках союзника видели проявление слабости. До 1914 г. с большей или меньшей интенсивностью и в обществе, и в правительстве шли дебаты по поводу целесообразности заключённых и незаключённых Россией соглашений. Пресса нападала на МИД, осложняя и затрудняя его работу громкими обвинениями дипломатов в предательстве интересов России. Общество явно раскалывалось по меньшей мере на два лагеря, и угодить обоим сразу было невозможно. Положение усугублялось

³⁰ Au service de la Russie. Т. 2. Париж, 1937. С. 299–304.

отсутствием единства мнений в правительстве, внутренней борьбой и нежеланием координировать действия (например, военные неохотно делились информацией с дипломатами). Эффективность усилий МИД во многом зависела от отношений министра с монархом. Между тем гр. Ламздорф не чувствовал себя уверенно, поскольку Николай II вёл собственную закулисную политику, как показала история с тайным русско-германским договором в Бьёрке.

После Венского конгресса и до 1914 г. Россия едва ли не последовательнее всех отстаивала сохранение международного порядка, видя в нём гарантию собственной стабильности. Приверженность нормам права и вера в пользу сотрудничества великих держав привели к тому, что российский МИД сформировал целую школу блестящих юристов-международников, таких как Ф.Ф. Мартенс и барон М.А. Таубе, о которых немало сказано на страницах книги. Экспансия, которую И.С. Рыбачёнок справедливо считает чертой эпохи, с успехом применялась Россией в Азии. Но в Европе Россия была умеренна и, за редкими исключениями, охотно сотрудничала с другими державами, в том числе и с монархией Габсбургов, несмотря на то, что российские дипломаты считали невозможным разграничить русско-австрийские интересы на Балканах. Так или иначе два соглашения с Австрией позволили надолго «заморозить» «балканский узел». Россия регулярно заявляла о своей особой позиции по отношению к Османской империи и Балканам, ссылаясь на географию, историю, религию и международные трактаты, но благоразумно избегала авантюрных попыток завладеть проливами, предпочитая действовать с помощью заключения договоров и соглашений. Россия, как и другие, предвидела скорый конец Порты, но не стремилась ускорить его, а в некоторых ситуациях даже оказывала ей помощь. В Петербурге не протестовали против появления в Балтийском море германского флота и отказались от надежд на угольные станции или морские базы в Средиземноморье, не столько даже опасаясь враждебной коалиции, сколько желая приобрести и удержать полезных союзников. При этом в основе европейской стабильности находилась прежде всего та система отношений между державами, которую Россия сама помогла создать в 1815 г.

Никто из предшественников Николая II на престоле, никто из министров иностранных дел до А.П. Извольского не хотел менять эту систему: они верили в силу договоров и монархическую солидарность, как правило, признавая право европейского «концерта» решать вопросы, связанные с изменением трактатов. Между тем приведённые И.С. Рыбачёнок слова Николая II, которые тот написал своей сестре вел. кн. Ксении Александровне 21 октября 1899 г. во время Англо-бурской войны, что он в любой момент может припугнуть Англию, приказав «всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе» (с. 57), а «в Потсдаме... намерен всячески натравливать императора на англичан»³¹ (с. 325), шокируют легкомыслием и вздорностью, напоминающими печально известные высказывания его кузена Вильгельма II. Самодержец явно воспринимал внешнюю политику как апокалиптическую борьбу «добра» и «зла», где «добро» представляли он сам и его Россия, а на стороне «зла» оказывались все их соперники. Поэтому всякую неудачу он воспринимал как поражение «добра» и не соглашался сложить оружие. В 1905 г. его с трудом уговорили пойти на переговоры с Японией, и Витте, отправившись в Портсмут,

³¹ ГА РФ, ф. 662, оп. 1, д. 186, л. 112–117 об.

постоянно ждал, что его отзовут или же ошельмуют за заключённый мир. Такие мысли отнюдь не укрепляли позиции российских дипломатов.

Противоречивые порывы императора – то конференция мира и разоружение, то экспансия в Корею – не вызывали ни уважения, ни доверия в других государствах. Образ Николая II, складывающийся при чтении книги И.С. Рыбачёнок, удивительно напоминает ту характеристику, которую Ф. Гизо дал Наполеону III в письме к княгине Елене Кочубей 2 марта 1860 г.: «Aussi, les succès même, succès de guerre ou de la paix, n'aboutissent pour lui qu'à des embarras, comme il doit arriver quand on poursuit des résultats contraires. Il faut choisir en ce monde, prendre un parti, marcher vers un but, par une voie»³². Далее Гизо с горечью констатировал: «Ce qui m'a plus frappé quant à la nature de son esprit c'est l'imprévoyance, la courte portée. Il ne se doute pas de ce qui resultera, dans trois mois, de ses actes et de ses paroles. Comme conspirateur et comme frissonnier il a beaucoup projeté, beaucoup rêvé, mais la difference et la distance sont grandes entre le rêve et l'action réelle, il ne s'en aperçoit que lorsqu'il se trouve arrêté par des obstacles imprévus pour lui ou forcé de choisir entre des routes diverses et obscures. Il a de plus entrepris ce que je tiens pour absolument impossible – il veut jouer deux rôles et tenir deux cartes, le rôle conservateur et le rôle novateur, le rôle conquérant et le rôle pacifique... L'empereur Napoléon n'a pas choisi et j'ai peur qu'il ne sache pas choisir. On le tape souvent de duplicité. La confusion et l'incertitude de ses idées et de ses desseins en sont, je crois, la première cause. Aussi je reste très inquiet de l'avenir. Ce qu'il y a de plus incurable dans les hommes ce sont les défauts de l'esprit. L'empereur Napoléon a des instincts de pouvoir, il n'a point de vue de gouvernement»³³.

Российская дипломатия до Николая II всегда умела вовремя остановиться. При нём эта способность была утрачена. Казалось бы, внутренние трудности, угроза революции должны сделать самодержавие более осторожным, но произошло обратное. В книге ярко изложена трагедия министра и дипломатов, которые видели опасность такой политики для России, но были бессильны переубедить Николая II. Ведь в МИД прекрасно понимали разницу между мечтами и реальностью, когда император и его окружение пошли на дальневосточную авантюру. «Как Вы пишете, вот мы и пришли к положению, которое предвидели... – делился 8(21) января 1904 г. накануне Русско-японской войны гр. В.Н. Ламздорф своими соображениями с послом России в Лондоне гр. А.К. Бенкендорфом. – Вы не представляете, как меня мучает настроение, которое продолжает преобладать тут. Если бы [у императора] было настоящее

³² «К тому же, даже удачи, военные или мирные, заканчиваются для него конфузом, как и следует ожидать, если стремишься к взаимоисключающим целям. В нашем мире необходимо сделать выбор, примкнуть к одному лагерю, идти к определённой цели по избранному пути» (Бахметевский архив, кол. кн. Белосельского-Белозерского).

³³ «Больше всего в его характере меня поражает непредусмотрительность, близорукость. Он не задумывается о том, к чему приведут его действия и слова через три месяца. Как заговорщик, стремящийся наводить трепет, он много планирует, много мечтает, но мечта и действие совершенно разные вещи, а он не видит этого, пока не столкнется с непредвиденным препятствием или пока ему не придется выбирать между совершенно разными и неизвестно куда ведущими дорогами. Он, к тому же, пытается делать что-то, на мой взгляд, невозможное – он хочет играть две роли и держать в руках две карты, роли консерватора и новатора, завоевателя и миротворца... Император Наполеон не выбирает и, я боюсь, не умеет выбирать. Его часто обвиняют в двуличии. Хаос и зыбкость его идей и замыслов, по-моему, главная тому причина. Поэтому я очень беспокоюсь за будущее. Самое неизлечимое в людях – это умственные изьяны. У императора Наполеона есть инстинктивное стремление к власти, но нет государственного взгляда» (Там же).

желание найти мирное решение ужасным трудностям, которые мы совершенно зря создали сами для себя, нужно было бы, наконец, набраться духа и ясно и определённо так и сказать, твёрдо решив больше не вывёртываться. Но, к сожалению, я тут не вижу этого. Тут не хотят раз и навсегда согласовать то, что хочется, с тем, что возможно, и любят рассчитывать на неожиданное чудо, возлагая самые большие надежды на непредвиденное. Наверху уверены, что войны не будет, потому что не собираются её объявлять. Дилетанты-политики в Порт-Артуре не признают ни прав других держав, ни значения договоров. По их мнению, эти глупости придумали дипломаты, чтобы затруднить действия настоящих патриотов: ведь хотеть значит мочь, особенно если полностью пренебречь правами другой стороны. Вот прекрасная доктрина, которая за четыре месяца привела нас в положение не только угрожающее, но и полностью противоречащее всем нашим принципам и нашим прекрасным традициям. Вы не представляете, до какой степени я подавлен и как у меня болит сердце»³⁴.

Граф Ламздорф – один из самых ярких и положительных героев книги И.С. Рыбачёнок. На его долю выпала задача заглаживать промахи своего монарха. Он не стремился к славе Бисмарка и презирал эффектные ходы, стараясь обезопасить империю, но это оказалось труднее всего. Перенеся в первой половине 1905 г. три инфаркта, министр, тем не менее, помог ликвидировать Бьёркский договор, заключённый императором у него за спиной, дал разумные указания своим помощникам для ведения переговоров с Британией и ушёл в отставку. Его инструкции были нарушены с ущербом для российских интересов, а самого его вскоре забыли.

Отличительная черта удачной работы – желание читателя, закрыв книгу, тут же начать писать свою, оттолкнувшись от той или иной мысли автора. Вероятно, и «Закат великой державы» вдохновит историков по-новому взглянуть на судьбы и «узлы» российской дипломатии.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

³⁴ Бахметевский архив, бумаги Бенкендорфа, карт. 13.